

Тяжело продвигаясь вперед, со скоростью улитки, по утоптанной земляной дороге пролегающей через бесконечные травянистые равнины, я издаю скрипучий кашель и пытаюсь удерживать равновесие. Я еду в хвосте каравана, на самом недружелюбном, негигиеничном и неудобном русеквине, из тек кого встречал, который к тому же пытался меня все время сбросить. Вся грязь, поднимаемая повозками, только все ухудшает, я все время плююсь и кашляю.

Эта чертова пыль. Ее количество, которое поднимается группой повозок, просто невероятно. Я едва могу держать глаза открытыми, со всей этой грязью в них. Она оказывается везде и всюду. Пыль у меня в ботинках и между ягодицами. Я скучаю по ванным, по прекрасным видам, по еде. Я скучаю по всему, что представляет собой деревню. Эти путешествия отстой. Теперь я понимаю, почему все опускают подробности. «Мы ехали десять дней и прибыли в место назначения» звучит гораздо лучше, чем реальность. Ссадины от седла, голени сводит судорога, путевая еда и чертова пыль. Даже ничего интересного на пути не встречается. Трава, грязь, камни.

Мне нужно научиться летать. Ну или хотя бы бегать по воздуху, как дурацкие кролики, о которых Тадук все время говорит. Так было бы гораздо лучше. Я виню во всем Баатара. Он просто позволил всему этому произойти. Не мог набраться мужества, выступить перед Аканай и сказать «Это мой подопечный, стерва.» Он мой наставник, не ее, но все мои молитвы и мольбы закончились похлопыванием по спине и насмешливым «возвращайся целиком». Никакой помощи. Как будто я планировал сделать по другому. Надо было оставить руку у него в саду, почему бы и нет?

Шел шестой день моего путешествия, а я до сих пор не понял, почему я здесь. Что я сделал, чтобы это заслужить? Я просто хочу домой.

После зверского избиения, которое устроила эта психопатка бабуля, я очнулся на столе, Токта целитель, муж Кориджин ткачихи, отец Тенджин стража, ждал меня. Эти представления очень раздражают, но видимо это считается вежливым. Думаю, предполагается что я должен запомнить всех этих людей, которых никогда не встречал, и их дурацкие профессии. А как я должен представляться? Рэйн мастурбатор, муж левой руки, отец множества испачканных простыней. Вот это представление.

После его представления, он меня усадил и начал учить меня. Глупым вещам, как то жестам, звуковым сигналам, видам строя, тактическим маневрам и этикету. Он игнорировал все, кажущиеся ему неважными, вопросы, и продолжал монотонно бубнить своим раздражающим голосом. Когда я попытался уйти, он отшлепал меня и поставил на колени, продолжая свой урок. Чувак - чертов целитель. Почему он такой сильный? Иди людей лечи. А не избивай подростков. Это просто стыд.

Это продолжалось пять дней. Избит Аканай, затем выслушиваю лекции Токты. Я пробовал жаловаться Баатару и все что он сделал, строго предупредил меня следовать приказам, иначе будет хуже. Да он просто испугался своего наставника, баба он, а не мужик. Они подобрали мне какие-то доспехи, представили меня Забу, злобному русеквину и постоянно проверяли мои знания. В конце пятого дня, Токта приказал собрать вещи в сумку и прибыть к деревенским воротам до восхода солнца. Достаточно просто. Думал мы пойдем в поход.

Я вернулся домой и увидел, как Алсанта сет носится по дому, собирая мои вещи. Чарок передал мне ящик с его резьбой и мехами, чтобы я продал их в городе; несколько монет, а так же наставлял меня о том, что делать, чего не делать; манеры и обычаи, места которые стоит посетить, а которых стоит избегать.

Токта забыл кое о чем упомянуть... Меня поставили в охрану каравана, идущего в город. Десять дней туда, пять дней в городе, десять дней дороги обратно, минимум. Будут опасности, бандиты и зверье, и другие мои обязанности. «Возьми немного вещей» Очень информативно. Засранец.

Когда я обо всем узнал, я был немного взволнован поездкой. Мы направлялись в Шен Хуо, город в котором у Тадука вилла. Он был там сейчас. В городе. С людьми. Я имею в виду, что в деревне конечно мило и все такое, но было бы здорово увидеть остальной мир и все познать на собственном опыте, чем читать об этом в книгах. И проститутки. Я жду этого с нетерпением.

Склоняясь на сторону, я сплевываю пыль. Забу шипит, почуяв мое движение, я пытаюсь его успокоить, похлопывая его по спине. Кажется ему это не нравится. Гораздо приятнее читать о путешествиях. Мне нужны очки, если я дальше собираюсь путешествовать. У них тут есть стекло, но мне не очень-то хотелось бы путешествовать с хрупкими очками. Как делается прозрачный пластик? Все что я знаю, так это то, что он получается из дерева. Или это резина? Я закрываю глаза и наклоняю голову, пытаюсь сконцентрироваться, пытаюсь вспомнить.

«Открой глаза. Кадет. Путешествие может быть опасным. Не расслабляйся.» Аканай. Гневная, прекрасная, древняя, неодобряющая, сексуальная Аканай. Так раздражает. Она едет рядом со мной, комментируя, все что я делаю. Я пью слишком много воды, я слишком часто плююсь, я не должен сутулиться, мне следует одеваться лучше, говорить четче. Как будто она поставила себе цель вогнать меня в полное подчинение. Теперь на Общем языке. Все говорят на общем, пока мы за пределами деревни. Помогает соответствовать, не отпугивать местных. Тем не менее, я пока еще никого новенького не видел. Глубоко вздыхая, я откидываюсь в седле, фокусируясь на бескрайнем море зеленой и коричневой травы, окружающей нас.

Караван состоит из восьми повозок, четырнадцати тележек, двенадцати стражей, тридцати семи кадетов, сорока семи селян и детей, и меня. Почти сотня человек. Некоторых я знаю, но не очень близко. Сумила здесь, вместе со своим отцом, Хусольтом. Он здоровый мужик, почти на голову выше, чем Аканай. Его руки толще, чем мои ноги, грудь как бочка из которой доносится смех, похожий на рев. У него тонкие черные волосы, и он хорошо выбрит, до полудня. У него так же огромный шрам на левом, побелевшем глазу и медвежьей уши, как у Сумилы. Длинного пушистого хвоста у него нет, так что я думаю, что он скорее обычный медведь, нежели красная панда. Очевидно, спросить не получится. Только Тадук хвастает своим происхождением. Если бы я не знал истинную природу Аканай, я бы очень завидовал Хусольту, что он женат на ней. Сейчас, мне жаль его. И я ему немножко завидую.

Я молча молюсь за целость ума будущего мужа Сумилы. Этот бедняга будет одурачен ее милым носиком, очаровательными веснушками и пушистым хвостом. Что он получит, так это иметь дело с ее безумной матерью. Сумила сидит в повозке отца, нагруженной сундуками и оружием. Кажется она защищена от всей пыли и грязи. Я часто задаю ей вопросы о тренировках и одухотворенном оружии. Она, кажется, раздражена, но прекратить не просит и отвечает очень внятно. Она настоящий клад знаний. Я хотел бы ехать в повозке и избавиться от этого глупого квина. Я вытираю лицо платком. Он покрыт коркой грязи и пота. Отвратительно.

Лучшее, что я могу сказать о своем наряде, то, что он уютный. Я ношу полное бойцовское снаряжение во время путешествия. Жилет из твердой кожи, наручи, штаны и сапоги. Отороченные мехом перчатки, с возможностью убрать верхнюю часть, закрывающую пальцы. Большой щит из дерева и кожи, короткое копье, выполняющее роль дубины, пристегнуто к моей спине; длинное копье и лук в сумке, пристегнутой к тупому и вонючему Забу. На верху всего этого, ужасно тяжелый кожаный шлем, отороченный мехом и защищенный железными

пластинами. Мой новенький блестящий меч пристегнут к моему поясу за спиной. Чтобы кто не говорил, это немного через чур, для мирной поездки через поля. Погода не достаточно холодная для всего этого меха, и самая большая опасность, которая мне грозит, что Забу удастся меня сбросить и я сломаю шею.

Конечно, были небольшие происшествия, но ничего особенного. Несколько гигантских птиц пытались пообедать отстающими, но несколько стрел позаботились об этом и обеспечили нас ужином. Мы видели и других хищников, но большинство просто смотрели, как мы проезжаем, остальные тоже оказались в горшках. Все они ужасны на вкус, жесткие и жилистые, от мяса исходил ужасный аромат. Хотя, это могло быть из-за пыли.

День продолжается, скучный и без происшествий, так было до обеда. Кадет подъезжает и приветствует Аканай. «Приказы ректора Токта: впереди вероятные противники. Каравану следует остановиться и готовиться к обороне. Запросить доклада шеф-ректора Аканай.»

Аканай смотрит на меня, чтобы удостовериться, знаю ли я, что должен делать. Я озлобленно киваю и занимаю свое место, рядом с повозкой Хусольта, в охране тыла. Я достаю лук, Забу недовольно рычит в ответ на мои действия. Успокойся, ты жирны тупой хорек. Не скидывай меня, пожалуйста.

Повозки и телеги остановились и переместились на одну сторону дороги. Все селяне попрятались за большими повозками маленькими организованными группами. Многие вооружены луками, готовые себя защитить. Кадеты и стражники взяли их в оцепление, заняв свободный строй, некоторые стоя в траве или на дороге. Всматриваясь в свободную дорогу впереди, я вижу впереди поворот метрах в пятистах. Небольшой травянистый холм закрывает вид, неплохое место для засады. Я понимаю, почему поступил приказ остановиться, если они увидели людей впереди. Но это и не самое лучшее место, чтобы стоять. На этой дороге нигде укрыться, кроме как в траве по колено.

Я сижу на Забу, проверяя свое снаряжение, удостоверяюсь, что все под рукой и хорошо сидит. Обозревая равнину, я ничего не замечаю. Только если кто нибудь не выкопал траншеи и не прячется в них, мы по крайней мере не окружены. Я сомневаюсь, что кто-то может быть настолько глуп, чтобы напасть на нас. Мы слишком хорошо вооружены, и вокруг сплошная равнина.

Звук топота копыт снова заставляет меня посмотреть вперед. Одиноким всадник быстро к нам приближается. Достаю стрелу из колчана, я накладываю ее на лук, направленный в землю. Аканай держит поднятым сомкнутый кулак, сигнал не стрелять. Я не могу как следует разглядеть всадника. Огромный мужик, одетый в серо-голубые меха, несет копье с белой тканью, привязанной к древку. Он приближается и я себя поправляю. Он не одет в меха, он носит меха. Целая шкура гигантского волка накинута на его голову, лежа на его спине, лапы закреплены на руках. На заднем плане, большое количество вооруженных бандитов начинают проявляться. Некоторые из них останавливаются на вершине холма, неся большие луки. Остальные идут по дороге, никакой дисциплины или строя, несут целое разнообразие оружия, от вил до настоящих мечей. Думаю их от трех до пяти сот. В лучшем случае, одетые в обычную одежду, они идут легкой, расслабленной походкой, смеясь и глумясь. Бандит Волчара останавливается в ста метрах от каравана.

«Царь бандитов Джонг Шан требует, чтобы вы сдали ваши монеты, добро и женщин. Сделаете так, старики и дети будут отпущены. В противном случае, мы вас всех перебьем, оставив остатки от ваших тел.» Говорит он громко, но скучным тоном, как будто говорит это в тысячный раз. Для одного наездника на небольшом расстоянии от пятидесяти сердитых

лучников, он кажется довольно беспечным. Или это уверенность. Насколько он силен?

Аканай ничего не говорит. Она раскрывает сжатый кулак в ладонь, приказывая всем открыть огонь.

В полном унисоне, стража открывает огонь. Свист стрел прекращает глумление. В одно мгновение, несколько бандитов уже лежат, истекая кровью или того хуже. Волчья Шкура уже не выглядит скучающим. Он выглядит шокированным.

Заряжай, целься, огонь. Стрела за стрелой вылетают из моего лука, в кучу надвигающихся бандитов. Они довольно близко друг к другу находятся, так что промахнуться трудно, и у большинства нет никакой защиты. Они начинают бежать на нас, чтобы сократить дистанцию. Слишком поздно, чтобы что-то изменить. Я не смотрю куда приземляются стрелы. Я просто стреляю и перехожу к другой цели. Стрелы падают на излете перед нашим караваном, их некудышние лучники едва могут попасть в нас со своего холма. Я вижу как один из них падает замертво, пронзенный стрелой. Пятьсот метров и это еще на возвышенности, наши лучники далековато стреляют из своих крохотных луков.

Хусольт также стреляет со своей повозки. Его лук выглядит, как увеличенная версия моего, почти в два с половиной раза больше моего, но все равно выглядящий изящно в его руках. Стрела, которой я мог бы пользоваться, как копьем, вылетает из лука, и вдалеке падает бандит лучник. Еще одна стрела, еще один бандит. Чертовски хорошо стреляет, для человека с одним глазом.

Волчья Шкура наконец-то очухивается и яростно воет. Срывая ткань с копья он бросается в атаку. Первая стрела попадает в него через два лошадиных шага. Вторая и третья не заставляют себя ждать и он падает с лошади, которая волочит его дальше. Кадет останавливает ее, двое стражей хватают Волчью Шкуру и связывают его. Кажется не так уж он и силен. Откуда же в нем взялось столько уверенности?

Не прошло и секунды, как он упал, остальные бандиты пытаются сбежать расталкивая друг друга в панике. Аканай отдает приказ и мы прекращаем стрельбу, наблюдая как они разбегаются в разные стороны, оставляя раненных и мертвых. Кажется у ворье нет чести. Вся «битва» продлилась минуту, от начала до конца. Нереально. Как будто стрелять по рыбе в бочке. Я просто сидел на квине, отстреливая бандитов. Стрельба по бандитам. Я не пережил это, я как будто смотрел со стороны.

Стоны и мольбы о пощаде наполнили воздух, возвращая меня реальности. Осматривая погибших и раненных я вижу, что большинство либо подстрелены, либо затоптаны. Никто не вступил в ближний бой. Стражи медленно выдвигались, с длинными копьями в руках, проверяя пострадавших и приканчивая их. Я спешиваюсь с Забу и совершаю обход, в поисках нуждающихся в помощи.

Руки трясутся, я пересчитываю стрелы. Адреналин так бурлит в крови. Да ладно, сынок. Это едва можно назвать битвой. Успокойся. Я выстрелил семь раз. Скольких я убил? Я делаю глубокий вдох. Ты же слышал Волчару, идиот. Эти бандиты пришли сюда грабить, убивать, порабощать и насиловать. Они не заслуживают жалости. Так что прекращай.

Нет нужды переживать об этом, нужно просто приступить к работе, обрезать стрелы, останавливать кровь, накладывать повязки. Среди нас нет погибших, только раны мягких тканей, что хорошо. Ничего серьезного. Пытаюсь сосредоточиться на своей работе, но делать особо нечего. Токта останавливает меня при попытке помочь бандитам, так что через минуту,

я стою без дела, и ничто не отвлекает меня от моих мыслей.

Почему они напали? Их единственным шансом было напасть на нас, им стоило это знать. Пятьдесят стражников с луками могут выпустить, в худшем случае, девять стрел за минуту, и полминуты заняло у бандитов, чтобы добежать до нас. Четыреста пятьдесят стрел, выпущенных в триста – пятьсот незащищенных броней человек. Это простая арифметика. Даже у некоторых селян есть луки и большинство из них лучшие стрелки, чем я.

Их засада не удалась, но они все равно вышли, чтобы быть обстрелянными, наплевав на собственные жизни.

Я этого не понимаю. Зачем они выбросили свои жизни вот так?

Это было бессмысленно.

Напрасная трата жизней.

<http://tl.rulate.ru/book/591/20202>